

рес к ним сохранялся до первых десятилетий XIX века, когда на смену ему пришло увлечение коллекционеров и пристальное внимание исследователей.

Рыцарь и монах, поэт и философ, фанатичный миссионер, мечтавший обратить в католическую религию народы мусульманского Востока, Раймунд Люллий (1235—1315 годы) сочетал мистическую экзальтированность с наивной верой в возможность доказать истины христианства доводами разума. Этой цели должно было служить его «великое искусство». Люллий полагал, что, установив основные понятия, можно путем их механических комбинаций с помощью разработанных им таблиц, фигур и вращающихся кругов, прийти к раз на всегда определенным и для всех очевидным выводам. Именно эта сторона учения Люллия, а отнюдь не его собственно философские и богословские воззрения, реакционные даже для XIV века, — оказалась наиболее живучей. В XVI—XVII веках люллиева «изобретательная логика» находит многочисленных сторонников и продолжателей. Целый ряд комментаторов, среди которых были такие мыслители, как Агриппа Неттесгеймский, Лефевр д'Этапль, Джордано Бруно, разрабатывают проблемы «люллиева искусства»; большое внимание уделяет им Лейбниц. В основе этих поисков, еще не получивших должной оценки в историко-философской литературе, лежало стремление к выработке нового научного метода, противостоящего схоластической логике. Теоретической предпосылкой «изобретательной логики» Раймунда Люллия являлось учение о полном и совершенном совпадении вещей и понятий. Само же «искусство» механических комбинаций терминов должно было, по замыслу комментаторов XVI—XVII веков, привести к созданию универсального метода познания, содержащего в себе начало и принципы всех наук. Естественным и необходимым дополнением новой логики являлась система знаний, своеобразная философская энциклопедия, охватывавшая все виды «сущностей».⁴ Произведения Раймунда Люллия и его комментаторов неоднократно издавались в XVI—XVII веках, переводились на западноевропейские языки. Не осталась в стороне от этого направления западноевропейской философской мысли и русская культура конца XVII столетия.

«Великая наука Раймунда Люллия» не является переводом ни «Великого искусства» (*Ars magna*), ни какого-либо другого произведения каталонского философа. Замечание Б. Е. Райкова о том, что «Люллий написал так много и так часто перерабатывал и сокращал свой основной труд, что нельзя утверждать это с полной вероятностью»,⁵ не представляется нам достаточно убедительным. Ни одно из 313 ученых исследователями изданных и неопубликованных сочинений Люллия⁶ не может быть отождествлено с нашей «Великой наукой». Да и в самом тексте русской рукописи ясно говорится о Люллии в третьем лице и подчеркивается, что книга является изложением его взглядов — в отличие от русского перевода «Краткой науки» (*Ars brevis*), где авторство Люллия указано определенно и безоговорочно, а текст перевода точно соответствует латинскому тексту оригинала.

Не является «Великая наука» и переводом какого-либо из известных нам западноевропейских комментариев «*Ars magna*». Сравнение русского текста с произведениями таких комментаторов Люллия, как Агриппа Неттесгеймский, Джордано Бруно, Иоганн Генрих Альштедт, Валерий де Вальер, Педро Санчед,

⁴ В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Записки Отдела рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. XI, М., 1950, стр. 164—182; P. Rossi. Studi sul lullismo e sull'arte della memoria nel Rinascimento. I teatri del mondo e il lullismo di Giordano Bruno. «Rivista critica di storia della filosofia». Anno XIV, fasc. I, gen.-marzo, 1959, pp. 28—59.

⁵ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд., М.—Л., 1947, стр. 56.

⁶ Histoire littéraire de la France, t. XXIX. Paris, 1885, pp. 67—386.